

Татьяна Булатова

Закон подлости

*Часть сборника
Любовь, или Связь поколений
(сборник)*

Татьяна Булатова

Закон подлости

«Автор»

2015

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Булатова Т.

Закон подлости / Т. Булатова — «Автор», 2015

ISBN 978-5-699-83817-2

«...А все жадность проклятая. Ну, может, не жадность – так, прижимистость. Девчонка институт оканчивала учительский, вечер выпускной, платье шить надо, чтоб как положено. И, значит, панбархат она тот просит. И что? И то! Не дала Зинаида Яковлевна тот отрез, вот, может, и хотела дать, а не смогла. Все думала: Ваня из Самарканда привез, память Ванина, а я сейчас вот р-раз – и отдам?! Ну и завидно было чуть-чуть: у молодых оно все ведь впереди – а у нее что? Ничего. Одни воспоминания. Даже мечты нету. А ведь мечта была. О-о-ох, какая мечта была у Зинаиды Яковлевны! Какая мечта!...»

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83817-2

© Булатова Т., 2015
© Автор, 2015

Татьяна Булатова

Закон подлости

Чтобы она! Да отдала! Да вот так легко! Просто «дай, бабуля» – и дело с концом?! Ну уж нет. Не дожидетесь! Зря, что ли, этот отрез Ваня из Самарканда привез?! Все берегла, думала, что на шестидесятилетие сошьет из черного панбархата платье. Не привелось. Очень ей было нужно это шестидесятилетие, когда сын из семьи ушел и девочку им с Ваней подкинул!

Нет, он, конечно, ее не забыл совсем-то. Но по сути – все равно мерзавец, потому что жену бросил. И за-ради чего, спрашивается?! За-ради красавицы какой-нибудь записной? Если бы! Скучно ему, видишь ли, с прежней женой стало, на праздники потянуло. И как отец его ни уговаривал – без толку все!

Правильно ей Ваня говорил: «Избаловала ты его, Зина. Вот, смотри теперь...»

А то она не смотрела?! А то она не смотрела и хорошему его не учила? А где это хорошее? Свое-то «хорошее» Зинаида Яковлевна помнила. И свадьбу первую помнила, что сыну справляли, и деньги, что на квартиру ему всем домом собирали, и гараж Ванин, что отдала не раздумывая под его, под Мишины, нужды – машина какая-никакая, огурцы, помидоры...

Все Зинаида Яковлевна помнила и все случая ждала, чтоб ему, Мишке, сказать об этом и, подняв палец, изречь: «К живой матери не пришел, а к мертвой и шлаться нечего».

Внучка Ларочка уж и так просила, и эдак: прости, мол, отца, бабуля, несчастный он человек, до шестидесяти пяти дожил, а так своего угла и не нажил. К тебе просится.

Не хотела Зинаида Яковлевна Мишку пускать, но пообещала Ларусе. Не удержалась, пообещала, потому что грех у нее перед внучкой был. Грех такой, что и вспомнить страшно!

А все жадность проклятая. Ну, может, не жадность – так, прижимистость. Девчонка институт оканчивала учительский, вечер выпускной, платье шить надо, чтоб как положено. И, значит, панбархат она тот просит. И что? И то! Не дала Зинаида Яковлевна тот отрез, вот, может, и хотела дать, а не смогла. Все думала: Ваня из Самарканда привез, память Ванина, а я сейчас вот р-раз – и отдам?! Ну и завидно было чуть-чуть: у молодых оно все ведь впереди – а у нее что? Ничего. Одни воспоминания. Даже мечты нету. А ведь мечта была. О-о-ох, какая мечта была у Зинаиды Яковлевны! Какая мечта! Чтоб платье как у Гурченки в «Карнавальная ночи», в талию затянутое, на подъюбнике, и выкат чтоб на нем под бусы: хочешь – жемчуг, хочешь – чешское стекло, а то можно и гранат – такой винный. И уже было все: и бусы – один, два, три, и панбархата отрез, а тут на тебе: «Зинаида Яковлевна, у Ларочки выпускной. Может, отрез-то свой отдадите девочке на платье?» – «Нет», – говорит Зинаида Яковлевна бывшей снохе и чуть не плачет: родная ведь внучка, любимая!

Плачет не плачет, а панбархат свой драгоценный приберегла, не смогла с ним расстаться. И Бог ей, Зинаиде Яковлевне, судья. Пережила Ларочка без бархатного платья свой выпускной. И краше всех была: высокая, статная, юбка в пол и блузка какая-то безумная с занавесками на груди. Спросила Зинаида Яковлевна про занавески, сноха обиделась: «Какие ж это занавески?! Это качели». А разницы нет никакой: занавески, качели, хоть дырка в боку. Все равно краше всех. И про панбархат не вспомнила: девичья память короткая...

Потом, правда, сама у нее, у Зинаиды Яковлевны, просила, когда отрез в сундуке нашла – перед Пасхой разбирали. А у бабки-то сердце замерло: а ну найдет и попросит? Так и есть! Другими отрезами прошелестела, а этот возьми да вынь. Не ситец там какой-нибудь копеечный, а самый что ни на есть дорогуший материал. Из тех, из советских времен, когда Ваня еще был жив, при должности и по командировкам ездил. И главное, Зинаида Яковлевна один за другим отрезки предлагает, на выбор. Нет, уперлась как баран: панбархат ей подавай. Ей и твидовый кусок – пожалуйста. И габардин – бери не хочу. И батист – нате вам, и гипюр на блузку. Не хочет.

Не выдержала Зинаида Яковлевна, губы поджала и невзначай так интересуется:

– А что ж бархат-то?

– Модно, – Ларочка объясняет.

– И что шить будешь?

– Жакет.

– Жакет-э-эт?! – чуть не задохнулась от возмущения Зинаида Яковлевна. – Это кто ж из панбархата-то жакеты шьет? Разве из панбархата жакеты шьют?! – недоумевает она.

– А почему ж не шьют?! – повышает голос Ларуся.

– Да потому, что нормальные люди из панбархата платья справляют.

– Скажи «жалко», – кривит губы внучка.

– Не жалко ничего. Испоганишь отрез, носить не будешь, а мне – сгодится.

– А тебе-то зачем?! – поднимает брови Ларочка.

– Мне надо...

– Ну надо так надо, – обижается внучка и кладет отрез в сундук. От соблазна подальше.

– Не закрывай, – сердится Зинаида Яковлевна и гремит ключами.

– Так все ж посмотрели, – недоумевает Ларуся и громко вздыхает, распрощавшись с мечтой о прекрасном.

– Сама знаю, – строго отвечает Зинаида Яковлевна и, внимательно осмотрев содержимое сундука, собственноручно запирает его на замок. – Окна-то мыть будешь?

– Буду, – соглашается чудо-девочка и отправляется на поиски тряпок. – Чем только?

– Чем окна-то нормальные люди моют?! Не знаешь разве?

Ларочка не отвечает, льет в таз воду, прыскает туда средство для мытья посуды и пододвигает табуретку к окну.

– С ума сошла, – ворчит Зинаида Яковлевна и вынимает из коробки брусок хозяйственного мыла. – На-ка вот. От этого проку больше будет, а то развела пену: не вода, а муть одна.

Ларуся не спорит. Намылывает тряпку мылом и вскарабкивается на подоконник.

– Не упали смотри, – предупреждает ее Зинаида Яковлевна и удаляется в свою комнату, к сундуку поближе.

Пока внучка намыливает огромные окна в кухне, она роется в сундуке и, достав отрез панбархата, с пристрастием рассматривает его: «Жалко!»

– У тебя газеты есть?! – кричит из кухни Ларочка.

– Да сколько хочешь, – миролюбиво отвечает Зинаида Яковлевна и тащится в прихожую за подручными средствами. – Сколько тебе?

– Сколько не жалко, – запыхавшись, отвечает Ларуся и ругается себе под нос: – Сразу не могла приготовить? Попробуй тут тряпками вытри окна, ничего не впитывают – все стекла в шарушках и разводах.

Зинаида Яковлевна возвращается в кухню с кипой газет и кладет ее на подоконник.

– Ну куда так много? – снова недовольна внучка.

– А чего это дерьмо жалеть? – удивляется Зинаида Яковлевна, пренебрегающая газетами как средством достоверной информации. Единственное, ради чего она выписывает газеты, так это ради программы передач. Каналов-то уйма, разве все упомнишь? Один сериал, другой – на каком канале? А тут открыл газету в середине – и на тебе, черным по белому: понедельник – то-то, вторник – се-то, среда – еще чего-нибудь. Одна правда. А так ведь разве правду в газетах напишут? Один женился. Другой убился. Третий соседа застрелил. Страх-то какой! Одна и польза от этих газет, что на хозяйственные нужды: окна протереть, селедку завернуть, чего больше не сказать.

– Как знаешь, – перестает сопротивляться бабкиному решению Ларочка и комкает газету в руках.

Когда окна вымыты, и мир по-другому смотрится: отлично, ярко! Не то что до этого. Вон, видно, как Людка-соседка с сумками через двор потащилась. На рынок, наверное, она там то ли бельем, то ли шнурками торгует. Молодец женщина! Худо-бедно, а к пенсии зарабатывает, еще и детям помогает. От мысли, что соседка еще и «детям помогает», у Зинаиды Яковлевны портится настроение, ей становится стыдно. Поэтому, когда Ларуся еще и пол в кухне подтерла, она ерзает на одном месте и, кряхтя, поднимает ноги, чтобы высохло.

– Все уже? – не к месту интересуется Зинаида Яковлевна, отмечая про себя всевозможные недочеты во внучкиной уборке.

– Все, бабуль, – весело отвечает забывшая об отрезе Ларочка и озирается по сторонам, пытаясь определить место для опустевшего алюминиевого таза.

– В темнушку убери, – направляет ее бабка и пытается успеть вперед внучки.

– Осторожно, – торопится за ней Ларуся и с облегчением устраивает алюминиевую емкость на долгосрочное хранение в кладовке.

– Чаю-то попьешь? – предлагает Зинаида Яковлевна и щелкает выключателем в ванной, недвусмысленно намекая, что неплохо бы и руки вымыть.

Ларочка с энтузиазмом засовывает их под кран и греет под струей горячей воды.

Когда стол в кухне накрыт почти по-праздничному, Зинаида Яковлевна усаживается напротив внучки и, навалившись грудью на стол, проникновенно предлагает:

– Давай, может, рюмочку налью?

– Да ладно, бабуль. Я тебе что, слесарь?

– Слесарь не слесарь, – глаза у Зинаиды Яковлевны увлажняются, – а вон какую работу сделала: сундук перебрала, окна вымыла, еще и пол подтерла. Спасибо тебе, Ларочка.

Зинаида Яковлевна чувствует себя неудобно, ей хочется быть перед внучкой всесильной, поэтому она кладет перед ней тысячу рублей:

– На праздник!

– Ты что, с ума сошла?! – вскакивает внучка с табуретки.

– Проще всего так сказать, – обижается Зинаида Яковлевна. – А вот старуху уважить – это ты переломишься.

– Прекрати, бабуль! – отмахивается Ларуся и идет собираться. – Поеду я...

– Успеешь, поедешь, – останавливает внучку Зинаида Яковлевна и встает перед дверью, пытаясь отсрочить ее уход.

– Ладно, бабуль, не обижайся, – уговаривает ее Ларочка. – У меня дома-то окна не вымыты, поеду...

– Как знаешь, – вдруг соглашается Зинаида Яковлевна и, не дождавсь, пока Лариса оденется, уходит в комнату. Внучке становится ее жалко, она идет следом и прямо в одежде присаживается на бабкину кровать.

– Ну что ты как маленькая?! – льнет она к Зинаиде Яковлевне.

– На вот, – отстраняется та и вытаскивает из-за спины сверток.

– Что это? – не сразу понимает Ларуся и с любопытством распаковывает его, пахнущий нафталином. Внутри – отрез. – Ну что ты?! – заливается Ларочка краской и бросает растерзанный сверток на кровать.

– Бери-бери, – сурово изрекает Зинаида Яковлевна и сознательно не смотрит на уплывающее из рук сокровище.

– Не возьму, – отказывается внучка, борясь с соблазном.

– Ну возьми, – уговаривает ее повеселевшая на глазах Зинаида Яковлевна.

– Сказала, не возьму, значит, не возьму, – упорствует Ларочка и, чмокнув бабушку в щеку, кричит уже из прихожей: – Сиди, не вставай. Я захопну.

Зинаида Яковлевна остается в одиночестве, и оно, как никогда, приятно.

Утро вступает в бок острой болью справа, а потом слева. А уж когда и в середине печь начинает, Зинаида Яковлевна понимает, что пора вставать. Закономерный вопрос: зачем? Уже восемьдесят седьмой, и Господь все никак не прибирает.

Даже Маруня, красавица, и та померла. В розовом чепце схоронили. Ну, здесь ясное дело – Маруня! Она такая предусмотрительная была, ко всему приготовилась. Главное – платье шерстяное розовое, чепец розовый, и, говорят, уже больно хорошая она во гробе лежала! Краше даже, чем в молодости...

Зинаида Яковлевна на похоронах не была, потому что «невыездная»: ноги не те. И ко двору уж года три как не спускается, так и висит грудью на подоконнике. Случись пожар – сгорит заживо. Третий этаж, «сталинка», если только паспорт и пенсионное с ветеранским из окна выбросить, чтоб не сгорели. Спрашивается: кому они, эти бумажки нужны?! Хоронить-то будет нечего. Чистая Индира Ганди. Пусть Ларуся с веничком по дому пройдет, в совок пепел сметет и за окно выбросит. Не Гималаи, конечно, но тоже вроде ничего – Волга рядом. Будет Зинаида Яковлевна пеплом над головами лететь и о вечном думать...

«Так мозг же сгорит!» – разволновалась поволжская Индира Ганди и опечалилась. Как выяснилось, к приходу конца она была абсолютно не готова. Ни тебе платья, ни тебе туфель, ни тебе покрывала смертного. Это кому скажи, не поверят: восемьдесят шесть лет бабке! Да сейчас до этого возраста нормальные люди не доживают, неприлично, можно сказать, столько лет небо коптить и воздух портить.

Зинаида Яковлевна преисполнилась невольного стыда за продолжительную старость и решила окончательно: хватит! Решить-то она решила, но как-то очень скоропалительно, показалось ей уже через минуту. Эгоистично, она бы сказала, ни с кем не посоветовавшись.

«Да и кто о таком советуется?» – тянула время Зинаида Яковлевна, пристрастно выбирая, кого же взять в наперсницы: то ли первую сноху, то ли вторую, то ли Людку-соседку. Она женщина опытная, если что – совет хороший дать может.

Зинаида Яковлевна решила следовать порядку и перво-наперво написать предсмертную записку потомкам. В записке, по ее разумению, должна была содержаться инструкция на предмет того, что и где лежит. Главное – «где»! А то начнут везде рыться, все вверх дном перевернут, а может, под шумок и возьмут без спроса: тут разве из гроба-то углядишь за всеми? А если и углядишь, как скажешь-то? Вот и будешь молча смотреть на то, как твое добро разворывают.

Пока Зинаида Яковлевна определялась «где», выяснилось: отсутствует «что». Растреванная, она открыла сундук и перевернула каждый сверток, пока на самом дне не нашла два увесистых тюка с красным сатином и неразрезанными вафельными полотенцами. Обнаружив «пропажу», Зинаида Яковлевна немного успокоилась: «Полдела сделано. Концы есть, гроб чем обить будет. Помирать не страшно».

Но, как стало ясно позднее, пока страшновато. Потому что класть в гроб было нечего, точнее некого. Живая и относительно – для восьмидесяти шести лет – здоровая Зинаида Яковлевна задумалась и решила, как и положено всем высоконравственным людям, начать с себя. Вот здесь-то и была собака зарыта. Во-первых, несмотря на Марунину смерть, пожить Зинаиде Яковлевне очевидно хотелось – весна-то не за горами. Она ведь не дура – зимой дуба дать! Охота, что ли, в ледяной могиле лежать мерзнуть. Во-вторых, Зинаида Яковлевна верила в закон подлости и в то, что именно он управляет ее жизнью. Во всяком случае, на него можно было рассчитывать. Согласно закону подлости, чем меньше человек готов к смерти, тем вероятнее она наступит. Соответственно, тщательная подготовка к уходу в мир иной могла хоть немного отсрочить момент перехода туда, где со всей строгостью спросят: «Ну что, Зинаида Яковлевна, сама расскажешь или как?» И не то чтобы она о грехах своих часто думала, но временами бывало. А потому хотелось к своему последнему интервью подготовиться и в грязь

лицом не ударить. Значит, как ни крути, а ответ держать придется, поэтому перед судом хотелось Зинаиде Яковлевне предстать во всеоружии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.